

ТРУДОЦЕНТРИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ: ПРЕДЕЛЫ ТРУДОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА¹

Т.Ю. СИДОРИНА,

доктор философских наук,
профессор Школы философии факультета гуманитарных наук, ординарный профессор
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия,
e-mail: tsidorina@hse.ru;

Н.И. ИЩЕНКО,

кандидат философских наук, доцент
Школы философии факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия,
e-mail: natalie.ishchenko@gmail.com

Отношение к труду эволюционировало в ходе истории: труд пережил периоды презрительного отношения, поклонения, восхищения и отчуждения. К чему пришло трудящееся человечество на рубеже XX–XXI столетий? С одной стороны, «кризис труда в его классическом понимании», с другой – трудоцентризм и его следствие – трудоголизм. Работа изо дня в день, без пределов и остановок, работа любимая, но изматывающая, в погоне за карьерой, обогащением, успехом – все это делает сложившуюся ситуацию в области труда не менее, если не более опасной, как в физическом, так и в психологическом отношении. Трудоголизм сегодня оценивается не только как негативное последствие перемен в сфере трудовых отношений, но и заболевание. Труд перестает быть тяжелым, но остается достаточно напряженным, ведет к переутомлению в условиях сверхурочной работы. Несмотря на предсказания о том, что развитие технологий приведет к увеличению свободного времени, общество становится все более трудоцентричным. Человечество страдает от недостатка свободного времени и в то же время не умеет распорядиться им. Противоречивость современной ситуации в сфере трудовых отношений проявляется в социальном иждивенчестве, усугубившемся в результате политики благосостояния и патернализма. В условиях постиндустриальной перестройки трудовой деятельности социальное иждивенчество сменяется опасностью бездействия, которую исследователи противопоставляют трудоцентризму и трудоголизму. Что определяет современное отношение к труду? Почему формируется амбивалентное восприятие труда, один из

¹ Статья подготовлена с использованием средств Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2015 году по проекту РГНФ № 13-03-00032 «Концепт „труд“ как объект социально-философского анализа: исторические трансформации».

полюсов которого – праздность и уклонение от труда, другой – трудоголизм и хроническое переутомление?

Ключевые слова: труд; общество; образ жизни; переутомление; зависимость

LABOUR CENTRISM AS A LIFESTYLE: LIMITS OF THE LABOUR'S POSSIBILITIES OF PEOPLE

TATYANA SIDORINA,

Doctor of PHILOSOPHY (DSc), Professor,
Faculty of Humanities, School of Philosophy,
Tenured Professor of the National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
e-mail: tsidorina@hse.ru;

NATALIA ISHCENKO,

Associate Professor,
Faculty of Humanities, School of Philosophy,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
e-mail: natalie.ishchenko@gmail.com

During the history the attitude to labor has evolved: the labor has gone through the periods of contempt, worship, adoration and alienation. Where the working humankind has come at the turn of XX–XXI centuries? On the one hand, there is «the labour crisis in its classical understanding», from the other – the labourcentrism and workaholism as its consequence. Working every day, without any limits and stoppages, the beloved work, but exhausting in the pursuit of the career, enrichment, success – all this makes the situation in the labour sphere more dangerous physically and psychologically. Workaholism today is believed to be not only the negative consequence in the labour relations, but a disease. The labour stops being hard, but remains being stressful and tense enough, leads to tiredness in case of overtime work. Despite the predictions that technological development will lead to an increase of free time, the society becomes more labourcentric. Humankind suffers from the lack of free time and in the same time cannot properly use it. Inconsistency of the current situation in the field of labour shows itself in social dependency enhanced by the results of the welfare and paternalism politics. In conditions of the postindustrial labor transformation the social dependence is replaced by the danger of inactivity, with which investigators contrast labourcentrism and workaholism. What defines the contemporary attitude to labour? Why the ambivalent perception of labour is being formed, one of the pole of which is idleness and evasion of work, and other is workaholism and chronic overwork?

Keywords: labour; society; overwork culture; lifestyle; dependence

JEL classifications: J23, J24, J28

Трудоцентризм как образ жизни

Вопрос о труде и его тяготах обрел в XXI веке несколько ракурсов рассмотрения.

В современных условиях изменяется вектор целенаправленности труда. Освобождаясь от тягот физического труда, усугублявших его принудительностью, отсутствием выбора и степеней свободы, современный человек обнаруживает в своей деятельности значительную привлекательность.

Сегодня многое свидетельствует о том, что люди ценят работу за удовлетворение, ощущение полноты жизни, которое она им приносит. Постиндустриальная перспектива предлагает спектр новых профессий. Однако, как оказалось, на смену тяготам индустриального труда приходят перегрузки другого рода. Труд перестает быть тяжелым, но остается достаточно напряженным, ведет к переутомлению в условиях сверхурочной работы. Несмотря на предсказания о том, что развитие технологий приведет к увеличению свободного времени, расширению досуговых практик, общество становится все более трудоцентричным.

В 2003 году британская журналистка Мадлен Бантинг провела исследование причин трудоцентризма, в котором за основу было принято предположение, что особенностью индивидуального существования сегодня становится понимание работы как смыслообразующего ядра человеческой жизни.

Среди факторов, определяющих современную ситуацию в сфере труда, Бантинг выделила следующие:

- снижение роли семейных, социальных и политических институций в обществе компенсировалось растущей ролью занятости, которая отныне становится центральной жизненной категорией;
- характер работы меняется, она требует приложения все больших усилий и времени, что в конечном итоге приводит к тому, что «сердцем» человеческой жизни становится офис;
- корпорации изобретают особые техники воздействия на человека с целью заставить его посвящать всего себя работе. Организации, ориентируясь на культурный контекст, предлагают человеку в работе обрести все то, что он ищет (*Bunting, 2004. P. 13*).

Если работа приобрела такие масштабы, что ее границы совпали с границами жизни как таковой, означает ли это, что данный образ жизни в большей мере соответствует природе человека? Иными словами, счастлив ли он в этих условиях, находит ли в этом осуществление своей «самости»? Бантинг говорит решительное «нет», подкрепляя его статистическим материалом и весьма яркими фрагментами бесед с участниками опроса. Именно в этом-то, согласно Бантинг, и заключается самое большое противоречие способа существования человека в XXI веке: человек направляет свои время и силы на то, что вовсе не делает его счастливым (*Bunting, 2004. P. 117*).

В обследовании принимали участие жители Великобритании, в основном представители среднего класса, принадлежащие к так называемой *overworkculture*. Изнурительная работа, состоящая, как правило, в выполнении однообразных операций, переработки, отсутствие досуга, постоянные стрессы и прочие негативные следствия такого положения дел были осознаны большинством из участников проекта (*Bunting, 2004. P. 147*).

В основном на вопрос, зачем работает человек, был получен ответ – «ради денег». Тот, кому нужны деньги, готов работать дольше, поскольку за большее количество часов он получит больше денег. Если мы посмотрим на экономическую зависимость полезности (в данном случае размер заработной платы) от времени (то есть от количества отработанных часов), то увидим, что с каждой дополнительной единицей времени полезность возрастает (но, разумеется, до определенной точки, когда деньги по ценности уже выравниваются с ценностью свободного вре-

мени). Таким образом, можно заметить, что дополнительные часы работы приносят возрастающую прибыль, этим фактом и можно объяснить, что примерно 1,6 млн работников в Британии помимо своей 48-часовой рабочей недели работают еще дополнительные часы (*Bunting, 2004. P. 148*).

Еще одним из факторов заинтересованности в работе является стремление к карьерному росту. Чтобы продвинуться по карьерной лестнице, каждому следующему поколению приходится прикладывать больше усилий, так как благодаря тому, что родители пытаются обеспечить своим детям лучшую, нежели у них, подготовку, квалификация работников возрастает, и для того чтобы подняться в должности, нужно иметь солидный багаж знаний. Причем теперь заработная плата оценивается не по тому, насколько она удовлетворяет потребностям, а по сравнению с заработком остальных членов общества.

Объяснением того факта, почему семьи со средним достатком работают сверхурочно, является желание приобрести вещи более высокого статуса (хорошую видеоаппаратуру, украшения и т.п.). Статистические данные показывают, как сильно возросло количество кредитов, которые берет средний класс. Потребности общества задаются не реальными нуждами, а рекламой, средствами массовой информации, модой, что увеличивает количество «необходимых» товаров, заставляя членов общества увеличивать расходы.

Вследствие постоянно возрастающего стимулирования потребительского интереса потребление начинает подменять общечеловеческие ценности, такие как свобода, самореализация и многие другие. Общество делится на потребителей и работников, причем в разное время те или иные индивиды относятся к тому или иному классу. Человек теперь зарабатывает деньги не для того, чтобы выжить, он работает для того, чтобы потреблять. Низкооплачиваемая работа все больше презирается обществом, поскольку не может обеспечить средства для потребления и к ней стараются не прибегать.

Согласно Бантинг в последнее время религиозные аргументы (как например, протестантские ценности, о которых писал М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»), которые стимулировали работника трудиться, не функционируют (*Вебер, 1990*).

Как следствие, взамен утраченного, появляются другие стимулы. В 1980-х годах возникает тенденция оправдывать труд как средство для утверждения своего социального статуса, обретения счастья и благополучия. «Работа и благополучие тесно связаны» – так может быть сформулирован девиз того времени. Проводилась активная реклама работы, в которой она представлялась единственным средством достижения благополучия, причем работа рассматривалась не только как средство индивидуального благополучия, но и общественно полезное занятие, приносящее выгоду обществу в целом.

Вместе с тем ценность работы, то есть затраченного времени и затраченных усилий, измеряется не только в деньгах. В современном мире модно быть занятым. Статистика показывает, что значительное число британцев и американцев среднего класса на работу тратят больше сил и времени, нежели представители малообеспеченных слоев общества. Объяснение очень просто: если вы состоявшийся человек, то вам должна нравиться ваша работа, причем настолько, что вы просто не хотите бросать свое занятие и «с удовольствием» работаете дополнительные часы после основного рабочего времени. Работая сверх нормы, человек показывает, что он вполне доволен своей жизнью и своим занятием. Как следствие, далеко не все работающие сверхурочно получают за это дополнительную оплату.

Подводя итоги, М. Бантинг пишет, что XX век, век индустриализации и масштабного производства, прошел под знаменем труда; труд рассматривался как основная деятельность человека, как то, что полностью обеспечивает его жизнедеятельность и

существование. В XXI веке отношение к труду меняется, хотя работы в жизни человека не стало меньше. Теперь работа рассматривается как основной источник социализации человека – в работе происходит его самореализация. Удовлетворенность человека работой показывает его успешность в жизни (*Bunting, 2004. P. 148*).

Итак, что же определяет современное отношение к труду? Почему формируется амбивалентное восприятие труда, один из полюсов которого – праздность и уклонение от труда, другой – трудоголизм и хроническое переутомление?

Трудоголизм: достоинство или недостаток?

В XX веке человечество столкнулось с новым заболеванием – трудоголизмом. Надо полагать, что это заболевание встречалось и в прошлом, однако в XX веке оно приобретает массовый характер. При всем уважении к человеческому труду и людям труда, трудоголизм сегодня представляет скорее негативную сторону трудовых отношений. Исследователи (медики, психологи, социологи) задаются вопросом: каковы пределы трудовых возможностей человека? Среди негативных последствий избыточной занятости – трудовые заболевания. Кто виноват, что человек оказывается в пагубной зависимости от труда? Сам человек, бизнес или государство в лице социальной политики, допускающие просчеты в области организации досуга?

«Очень трудно дать адекватную характеристику человека или народа с сильной трудовой этикой в строго утилитарных терминах традиционной либеральной экономики, – пишет американский философ и политолог Ф. Фукуяма. – Возьмем современную личность «типа А» – ревностного в работе юриста, или работника руководства корпорации, или японского «человека зарплаты», работающего на конкурентоспособную японскую транснациональную корпорацию. Такие люди запросто могут работать семьдесят–восемьдесят часов в неделю, с редкими и короткими отпусками, продвигаясь по карьерной лестнице. Они могут получать зарплату весьма высокую по сравнению с теми, кто трудится не с такой отдачей, но усердие, с которым они работают, не связано строго с получаемой платой. На самом деле в строго утилитарных терминах их поведение иррационально: они так много работают, что из-за нехватки свободного времени не способны воспользоваться своими деньгами; они не могут насладиться ленью, поскольку таковой у них не имеется, и они в процессе работы разрушают свое здоровье и перспективы комфортабельного жителя на пенсии, поскольку вряд ли до нее доживут. Можно возразить, что такие люди работают ради своей семьи или ради будущих поколений, и это, несомненно, дает какой-то мотив, но большинство «трудоголиков» почти не видят своих детей и так одержимы карьерой, что семейная жизнь слишком часто от этого страдает. Причина, по которой они работают так усердно, только частично связана с материальным вознаграждением: совершенно ясно, что они получают удовольствие от самой работы или от статуса и признания, которые эта работа им дает. Их ощущение собственной ценности связано с тем, насколько усердно и умело делают они свою работу, насколько быстро продвигаются по служебной лестнице, и с уважением, которое они получают от других. Даже материальному имуществу они радуются более ради репутации, которую это имущество дает, чем благодаря фактическому использованию этой собственности, поскольку у них слишком мало времени на последнее» (*Фукуяма, 2010*).

Трудоголизм признается как форма зависимости, в результате которой человек не может комфортно себя чувствовать вне работы, не может переключаться, к примеру, на семейную жизнь или на отдых после работы. Трудоголизм как зависимость аналогичен алкогольной, наркотической или игровой зависимостям. Отличие от алкогольной и наркотической зависимости состоит в том, что трудоголизм не инспирирован химическими веществами, попадающими в кровь извне.

Трудоголизм в первую очередь психологическая зависимость. Развиваться он может по двум основным причинам: а) когда человек неспособен устроить свою лич-

ную жизнь, найти себе занятие по душе. Такие люди буквально вынуждены спасаться бегством от жизненной пустоты в работе, где, в случае удачного выполнения задания, работник получает поощрение; б) из-за диктата общества, который возводит внеурочную работу в ранг чего-то положительного и естественного.

В целом можно отметить, что количество часов, которые человек проводит на работе в XX веке, значительно превышает количество часов, которое тратил на работу средневековый крестьянин. Трудоголизм – это болезнь, которая разрушает человека как физически (болезни мозга, сердечно-сосудистой системы, позвоночника), так и психологически (депрессии, неврозы). Подчас трудоголизм может привести к смерти, как случилось с премьер-министром Японии Кэйдзо Обути (скончавшегося в 2000 году), который за 20 месяцев своего пребывания на посту имел три выходных, а трудился более 12 часов в день. В Японии такие случаи не редкость. Существует термин «кароси», который обозначает смерть на рабочем месте, вызванную усталостью и переутомлением.

Трудоголизм становится такой значимой проблемой для общества, что во многих странах начинают приниматься меры по его предотвращению. К примеру, в Корее министерство здравоохранения отключает в офисах электричество в 18 часов, чтобы сотрудники не имели возможности работать сверхурочно (Коноров, 2009).

Исследователи предприняли попытку составить характерный портрет трудоголика:

- после рабочего дня практически невозможно переключиться на другую деятельность, голова никак не желает отключиться, переключиться на что-то еще;
- отдых теряет смысл, не дает радости и разрядки;
- трудоголик чувствует себя энергично, уверенно и самодостаточно, только работая или думая о работе;
- возникает стойкая уверенность, что настоящее удовлетворение можно испытать только на работе, все остальное – суррогат;
- если трудоголик на какое-то время оказывается незагруженным работой, то начинает чувствовать раздражение, ничем не мотивированное недовольство собой и окружающими;
- о трудоголике говорят (и не только близкие), что в быту он молчалив и мрачен, неуступчив, агрессивен. Но все это исчезает, стоит ему оказаться на работе – перед вами совершенно другой человек;
- от близости того, что какое-то дело скоро закончится, трудоголик испытывает тревогу, страх, растерянность. Чтобы спастись от этого, он сразу же начинает планировать следующие рабочие катаклизмы;
- все, что происходит вне работы, для трудоголика – безделье, лень, баловство;
- журналы, телевизионные программы, шоу развлекательного характера вызывают у трудоголика лишь раздражение;
- из-за перегрузок на работе постепенно ухудшаются отношения в семье, с близкими;
- все чаще вечерами отсутствуют сексуальные желания, трудоголик объясняет это тем, что «сегодня устал, но вот завтра...»;
- у трудоголика входит в привычку ставить перед собой явно неразрешимые цели и задачи;
- все проблемы и неудачи на работе трудоголик начинает воспринимать как личные (Евсеева, 2010; Коноров, 2009).

В результате, преодолев тяготы эксплуатации индустриальной эпохи, человек вовлекает себя в самоэксплуатацию, превращая жизнь в оформление трудового процесса. Зависимость от труда парализует человека; при этом он свято верит, что его труд необходим обществу, корпорации, государству. В большинстве своем люди не осознают, что они страдают от экспансии трудоцентризма. Они не хотят менять сложившиеся стереотипы, хотят жить так, как привыкли: современный человек держится за труд,

как раб за своего господина. По-видимому, необходимы некие кардинальные меры для преодоления подобной зависимости.

Как сохранить человеческий капитал?

Итак, в условиях постиндустриального общества труд переживает ситуацию кризиса (перспективы конца труда в его классическом понимании, проблема обеспечения занятости, в то же время – трудоцентричность, хроническое переутомление (*overwork*), и как следствие – трудоголизм).

Как сохранить человеческий капитал? Могут ли другие формы деятельности заменить трудовую активность, компенсировать то, что утрачивается в результате кризиса труда в его классической форме?

Прогнозы в области занятости и сфер деятельности человека в недалеком будущем более полувека назад были представлены авторами концепции постиндустриального общества. Д. Белл, А. Тоффлер, М. Кастель, эксперты Римского клуба предсказывали, что будущие сферы труда – это информатизация, образование, услуги, гибкие технологии... (Сидорина, 2007; Кинг, Шнайдер, 1991; Castells, 1997; Тоффлер, 2004; Тоффлер, 2009; Белл, 1999; Райх, 1999).

Человечество с восторгом и недоверием воспринимало подобные перспективы. Однако одномоментного замещения труда в его классическом понимании постиндустриальным трудом не произошло, и деятельность, которой занимаются люди, даже перестав быть исключительно физической, остается непомерно тяжелой, каждодневной, поденной, сопоставимой по сопровождающей ее усталости с трудом физическим.

Сегодня существует проблема адекватной трактовки самого понятия «труд». Этот термин применяется «для обозначения совершенно различных, в сущности кардинально противоположных форм человеческой активности, – пишет Дж. Гелбрэйт. – Труд может приносить удовольствие, чувство удовлетворения, самореализации; лишенный его человек теряет почву под ногами, чувствуя себя выброшенным из общества, впадает в депрессию или уныние. Именно такого рода труд определяет социальное положение руководителя корпорации, финансиста, поэта, ученого, телекомментатора или журналиста. Но кроме них существуют и безымянные трудящиеся массы, обреченные на монотонный, изнуряющий и унылый физический труд. Часто приходится слышать мнения о том, что хороший рабочий получает удовольствие от своего труда. Такие утверждения обычно исходят от тех, кто никогда в жизни не занимался тяжелым физическим трудом по экономической необходимости» (Galbraith, 1996. Pp. 90–91; Иноземцев, 1998. С. 209).

Таким образом, в XXI веке наряду с видами трудовой деятельности, привнесенными инновационными процессами постиндустриальной эпохи, сфера занятости включает и значительный сегмент традиционных трудовых профессий, связанных со значительными трудовыми затратами и тяготами изнурительного физического труда.

В этой связи совершенно оправданно возникает вопрос о сохранении человеческого капитала. Причем не только представителей физического труда, но и акторов инновационных сфер деятельности, сделавших трудоцентризм образом жизни.

Промышленный капитализм уходит в прошлое; на смену вложениям в машины и организацию труда приходит новая система накопления, основу которой представляет знание. Концепция, рассматривающая особенности эпохи, в которой эксплуатация знания является качественно преобладающей формой накопления, получила название когнитивного капитализма. В трактовке французского экономиста Б. Польере, «когнитивный капитализм следует понимать как общество знания, управляемое и организованное по капиталистическим принципам. <...> как такой вид капитализма, в котором знание является основным источником стоимости, откуда и вытекает его противопоставление капитализму промышленному» (Польере, 2008).

Одной из ключевых перемен в обществе когнитивного капитализма называют преобладание нематериального труда (Корсани, 2008).

Что понимается под нематериальным трудом? Французский социальный мыслитель А. Горц, признавая значимость нематериального труда в формирующемся обществе знания, обращается к дихотомии нематериального труда как средства накопления и нематериального труда как средства культурной трансформации и преодоления кризисных процессов современного общества: «Осознание того, что знания стали важнейшей производительной силой, вызвало перемены, подрывающие значимость ключевых экономических категорий – труд, стоимость, капитал – и указывающие на необходимость создания новой экономической теории» (Горц, 2010. С. 12).

Горц утверждает, что мы живем в переходный период, когда существует одновременно несколько способов производства. Промышленный капитализм, ориентированный на использование больших объемов овеществленного постоянного капитала все быстрее сменяется капитализмом постмодерна, для которого существенным является использование так называемого нематериального капитала («человеческий капитал», «капитал знаний» или «интеллектуальный капитал») (Горц, 2010. С. 21).

По мнению Горца, решающим фактором для эффективности новых видов труда становятся не научно-технические знания исполнителей, а их способности общаться и кооперироваться с другими, способности, относящиеся к общей культуре. В этом состоит важное различие между работниками мануфактур или заводов, управлявшихся по тэйлоровской системе, и работниками эпохи постфордизма. Первые должны были отбросить свою общую культуру, умения и навыки, чтобы подчиниться отупляющему, оболванивающему разделению труда с его бесконечным повторением одной и той же операции. Вторые привносят в производственный процесс весь свой культурный багаж, приобретенный в играх, командных состязаниях, конфликтах, дискуссиях, в занятиях музыкой, через участие в театральных представлениях и пр. Эта их личная сущность вовлекается в трудовой процесс и эксплуатируется (Горц, 2010. С. 26–27).

Деятельность самосоздания стала необходимой гранью всякой нематериальной трудовой деятельности, и она мобилизует те же способности и те же личные склонности, что и свободная деятельность в нерабочее время. В этом смысле можно говорить о тотальной мобилизации способностей и склонностей, включая чувства и эмоции.

Крупные фирмы стремятся превратить отношения трудового найма в отношения участия, предлагая незаменимым работникам фондовые опционы – участие в капитале и прибылях фирмы. Но чем больше труд апеллирует к дарованиям сотрудника, к его способности продуцировать самого себя, к тому, что придает ему ценность в его собственных глазах, тем больше эти способности стремятся выйти за рамки реализации лишь в пределах поставленной задачи. Работник будет постоянно стремиться доказать себе: он стоит больше. Он захочет проявить умения во внерабочей или побочной рабочей деятельности, которую будет считать самоцелью. Так, журналисты пишут книги, рисовальщики из рекламных агентств – картины, а компьютерщики проявляют виртуозность как хакеры и создатели свободных программ. Чтобы спасти хотя бы часть своей жизни от тотального утилитарного применения, «работники нематериального труда» начинают приписывать своим игровым, спортивным, культурным и общественным занятиям, в которых самосоздание является самоцелью, большую важность, чем работе.

Проблема свободного времени

В условиях перехода к экономике знаний, сокращения времени, проводимого человеком на работе, опасности утраты рабочего места и прочих характеристик современной ситуации в области занятости, возрастает значимость умения использовать образовавшееся свободное от работы время. Современное человечество не умеет эффективно использовать досуг, что является значительным упущением, поскольку досуг – это путь к обогащению человеческого капитала, именно это и востребовано

в глобальной экономике: человек должен быть вариативным, общество риска – общество неопределенности, больше умений – больше возможностей.

Немецкий философ Ф. Юнгер писал, что в эпоху технической экспансии «человек постоянно испытывает давление времени и сужающегося пространства. Подчиняясь диктату механического времени, он неизбежно стремится выиграть время, то есть какую-то меру механически отсчитанного времени, запас которого у него не безграничен и которое он поэтому вынужден экономить. Это и заставляет его конструировать новые механизмы, которые будут работать быстрее, чем уже существующие. *Мучительная тоска по свободному времени* (выделено автором – Т. С.) – чувство, характерное для каждого человека, впряженного в колесницу этой аппаратуры; однако для него так же характерна неспособность распорядиться этим свободным временем каким-либо иным способом, не связанным с его механическим отсчетом» (Юнгер, 2002. С. 113–114).

Досуг и занятия по собственному выбору суть состояния, доступные далеко не каждому. Человек, частично освобожденный от лишней работы, не обретает как следствие способность с пользой употреблять свой досуг и посвящать свободное время занятиям по собственному выбору. Досуг не равнозначен ничегонеделанью. Состояние досуга предполагает, что человек удосуживается посвятить себя духовным интересам, которые делают его жизнь содержательной и плодотворной, придают ей смысл и достоинство, именно он является источником всякого осмысленного труда. Досуг является условием всякой свободной мысли, всякой свободной деятельности, и потому лишь немногие обладают способностью к досугу. Большинство же, получив прибавку свободного времени, ни на что другое не способны, как только убивать это время.

Итак, одним из последствий отношения к труду в индустриальную эпоху стало восприятие труда как важнейшей обязанности человека, одной из его потребностей, а также формирование трудоцентризма как образа жизни. Возникший в древней культуре образ *homofaber'a* сегодня продолжает существовать в условиях культуры *overwork* (Сидорина, 2015).

Но в то же время образу *homofaber'a*, трудоцентризму и трудоголизму исследователи противопоставляют опасность бездействия, с которой сталкивается человек в условиях постиндустриальной перестройки трудовой деятельности. «Из тысячелетней привилегии элит бездеятельность, – пишет М. Маяцкий, – за один последний век стала достоянием, завоеванием и кошмаром масс. Обуздывать непокорную материю оказалось куда проще, чем заниматься эфемерным и конечным собой» (Маяцкий, 2009. С. 27).

Современный человек не знает, как потратить свободное время, как провести досуг, а досуг и праздное времяпрепровождение можно использовать именно для самосовершенствования, переобучения, приобретения новых знаний и навыков. Поглощенный трудовыми обязательствами человек не ищет спасения в проведении свободного времени, не умеет организовать свой досуг. Задача современного человечества – понять, что не только труд, но и досуг ведет к накоплению и сохранению человеческого и социального капитала.

ЛИТЕРАТУРА

- Белл Д. (1999). Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia.
- Вебер М. (1990). Наука как призвание и профессия / В кн.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Горц А. (2007). Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // *Логос*, № 4.
- Горц А. (2010). Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом ВШЭ: Экономика.
- Евсеева Е. (2010). Трудоголики рискуют жизнью // *Труд*, № 120, 6 июля (http://www.trud.ru/article/06-07-010/245797_trudogoliki_riskujut_zhiznju.html).

- Иноземцев В.Л.* (1998). За пределами экономического общества. М.: Akademia-Nauka.
- Кинг А., Шнайдер Б.* (1991). Первая глобальная революция. М.: Прогресс-Пангея.
- Коноров Ф.* (2009). Трудоголизм // *Федор Коноров*, 18 декабря (<http://fedorkonorov.ru/2009/12/18/trudogolizm/>).
- Корсани А.* (2008). Тотальное проникновение. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм // *Политический журнал*, № 2 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7919&issue=213>).
- Маяцкий М.* (2009). Курорт Европа: эссе. М.: АдМаргинем Пресс.
- Польре Б.* (2008). Когнитивный капитализм на марше // *Политический журнал*, № 2 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7917&issue=213>).
- Райх Р.* (1999). Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века / В кн.: *Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология*. М.: Academia.
- Сидорина Т.Ю.* (2015). Номофабер как символ эпохи труда // *Вопросы философии*, № 3.
- Сидорина Т.Ю.* (2007). Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху // *Общественные науки и современность*, № 3.
- Тоффлер Э.* (2004). Третья волна. М.: АСТ.
- Тоффлер Э.* (2009). Метаморфозы власти. М.: АСТ.
- Фукуяма Ф.* (2010). Конец истории или Последний человек. М.: АСТ.
- Юнгер Ф.* (2002). Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль.
- Bunting M.* (2004). *Willing slaves: how the overwork culture is ruling our lives*. L.: Harper Collins.
- Castells M.* (1996–1997). *The Information Ages: Economy, Society, & Culture*. L.: Blackwell Publishers.
- Galbraith J.K.* (1996). *The Good Society: The Human Agenda*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company.

REFERENCES

- Bell D.* (1999). Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo (The Coming of the Post-Industrial Society). Moscow: Akademia. (In Russian.)
- Corsani A.* (2008). Total'noe proniknovenie. Kapitalizm, biotehnonaukai neoliberalism. *Politicheskij zhurnal*, no. 2 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7919&issue=213>). (In Russian.)
- Evsheva E.* (2010). Trudogoliki riskuyut hizn'yu. *Trud*, no. 120, July 6 (http://www.trud.ru/article/06-07-2010/245797_trudogoliki_riskujut_zhiznju.html) (In Russian.)
- Fukuyama F.* (2010). *Konec istorii ili poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST Publ. (In Russian.)
- Gorz A.* (2007). Znanie, stoimost' ikapital. K kritike ehkonomiki znaniy (Knowing the cost and capital. Critique of Knowledge Economy). *Logos*, no. 4. (In Russian.)
- Gorz A.* (2010). Nematerial'noe. Znanie, stoimost' ikapital (Intangible. Knowledge, value and capital). Moscow: HSE Publishing House. (In Russian.)
- Inozemcev V.L.* (1998). Za predelami ehkonomicheskogo obshhestva. Moscow: Akademia-Nauka. (In Russian.)
- Jünger F.* (2002). *Sovershenstvo tehniki. Mashina i sobstvennost'*. [Perfektion der Technik]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian.)
- King A. and Schneider B.* (1991). Pervaja global'naja revoljucija. (The First Global Revolution) Moscow: Progress-Pangeja. (In Russian.)
- Konorov F.* (2009). Trudogolizm. *Fedor Konorov*, December 18 (<http://fedorkonorov.ru/2009/12/18/trudogolizm/>). (In Russian.)
- Majackij M.* (2009). Kurort Evropa: esse. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian.)

Paulre B. (2008). Kognitivnyj kapitalizm na marshe. *Politicheskij zhurnal*, no. 2 (<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=7917&issue=213>). (In Russian.)

Reich R. (1999). Trudnacij. Gotovjas' k kapitalizmu XXI veka (The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st Century Capitalism) / In: *Novaja postindustrial'naja volna na Zapade: Antologija*. Moscow: Academia. (In Russian.)

Sidorina T.Yu. (2007). Cheloveki ego rabota: iz proshlogo v informacionnuju jepohu. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3. (In Russian.)

Sidorina T.Yu. (2015). homo faber kak simvol ehpoxi truda. *Voprosy filosofii*, no. 3. (In Russian.)

Toffler A. (2004). *Tret'ja volna* [The Third Wave]. Moscow: AST Publ. (In Russian.)

Toffler A. (2009). *Metamorfozy vlasti* [Metamorphosis of Power]. Moscow: AST Publ. (In Russian.)

Weber M. (1990). *Nauka kak prizvanie i professiya* (Science as a Vocation) / In: *Weber M. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress. (In Russian.)

Bunting M. (2004). *Willing slaves: how the overwork culture is ruling our lives*. L.: Harper Collins.

Castells M. (1996–1997). *The Information Ages: Economy, Society, & Culture*. L.: Blackwell Publishers.

Galbraith J.K. (1996). *The Good Society: The Human Agenda*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company.